

Художника звали Митей. Это был человек небольшого роста, оптимист, балагур и жизнелюб. Роста своего он не стеснялся, по этому поводу не переживал и не комплексовал. «Главное – не рост, – серьёзно говорил Митя. – Главное – размер». «Бессовестный!» – улыбались девушки. «Я имею в виду большое сердце», – смеялся Митя. Он располагал к себе легким доброжелательным характером, и девушки его любили.

Дверь в конференц-зал оказалась изнутри закрытой, я подёргал ручку и хотел уйти, но из-за двери осторожный голос спросил: «Кто там?», я ответил, и дверь открылась.

– Один? – спросил я. – А где Анюта?

– Будет завтра? Нужна?

– Да нет. Просто я привык, что вы вдвоём...

– Ну да, закрылись и занимаемся чёрт-те чем, – засмеялся Митя.

Художница Анна фактурой являлась полной противоположностью Мите, который считался её начальником: высокая, статная красавица, румяная, словно матрёшка, с густыми русыми волосами, уложенными в толстую короткую косу. Про таких говорят: «кровь с молоком», а ещё, что они «коня на скаку остановят». При всей своей привлекательности Анна отличалась ещё и добрым покладистым характером, имела весёлый нрав и живо реагировала на хорошую шутку.

– А чего закрылся? – я оглядел чуть затемнённый сдвинутыми шторами зал.

– Портрет Брежнева парторг заказал. Формат большой. Я его через диапроектор на холст спроецировал, теперь обвожу. А дверь закрыл от греха: какой-нибудь придурок растрезвонит, что Митька художник хреновый – не может портрета нарисовать, поэтому и переводит. Не все ведь понимают, что у нас тоже есть свои технические секреты.

Митька вдруг добродушно рассмеялся. Я вопросительно посмотрел на него.

– Насчёт «закрылись и вдвоём». Вспомнил, как мы с Анькой в Москву в командировку ездили. Сейчас расскажу.

Он выключил проектор и приоткрыл шторы. На загрунтованном холсте, прикрепленном к стенке за сценой медицинским пластырем, обозначился контур вождя.

– С ней ездить одно удовольствие. Хохотала всю дорогу. Хохочет, аж слёзы из глаз. «Ой, – говорит, – не могу. Сил, – говорит, – моих смеяться больше нет». А потом просит: «Мить, расскажи ещё что-нибудь смешное».

Ну ладно. В один день не уложились, потому как приехали днём. А где ночевать? У неё в Москве никого нет, в гостиницу не устроишься. А у меня тётка в Мытищах

живёт, Поля. Меня знает, но видимся редко. Купил я бутылочку винца, коробочку конфет. Поехали.

– Мытищи, это с Ярославского вокзала?

– Ну да... В общем, тётка рада, разохалась, про мать, то есть, свою сестру спрашивает и всё на Аньку смотрит, мол, кто такая со мной заявила. «А это моя жена», – говорю. Анька сначала чуть слюной не подавилась, а потом, чувствую, сейчас расхохочется, и кулак ей за спиной показываю. «Хороша, – говорит тётка Дарья. – И где только такую отхватил?!» И обижается: «А на свадьбу-то не позвал». – «Да у нас, – говорю, – и свадьбы особой не было. Расписались, да чуть с друзьями выпили – вот и вся свадьба». Анька сидит и похохатывает. «Весёлая тебе жена попалась, – говорит тётка Дарья, – с такой и жить в радость». Ну ладно, пришло время спать ложиться. Тётка стелет нам кровать в отдельной комнате. Кровать узкая, полутороспальная, но с периной. Анька молчит, но, вижу, нервничает. Тётка говорит приветливо так и как-то игриво: «Ну, молодые, спокойной ночи!» и уходит, притворив за собой дверь.

– Да-а, – конфузия, – засмеялся я. – И как же вы?

– Во-во, Анька и говорит: «Мить, а как же спать? Кровать-то одна». А я говорю: «Да вместе спать и будем. Ты ж мне жена». – «Ага, – говорит, – разбежалась. Вместе с тобой я спать не буду». Я говорю: «Ань, рассуди. Не могу же я теперь сказать тётке, что ты мне не жена!». А сам смеюсь. «Да ты, – говорю, – не бойся, я на твою честь посягать не буду, так что мы с тобой будем спать не вместе, а рядом». Анька покочевряжилась немного и говорит: «Ладно, только я буду спать в одежде». А какая там одежда? Лето же. Платьице на голое тело и даже колготок нет. Тем не менее, когда она ложилась, заставила меня отвернуться. Я разделся до трусов и майки, потому что в брюках на чистое ложиться как-то неловко.

– И что? – я себя поймал на том, что уподобляюсь мужикам, которые, когда собираются вместе, начинают

смаковать интимные подробности о женщинах, с которыми провели ночь.

– Да ничего. А ты хотел, чтобы что-то было?

– Да ничего я не хотел, смутился я. – Но у всякой истории должен же быть конец.

Я улыбнулся.

– А конец такой. Утром встали свеженькими и выспавшимися, тётка напоила чаем, и мы пошли на электричку.

Митя посмотрел на меня, подмигнул и добавил:

– Ну, конечно, попробовал я Аньку приобнять, да прижаться под предлогом, что кровать тесновата, но она меня локтем успокоила... А девка хороша! Я б и женился, да, знаю, не пойдёт.

Кончался перерыв, и я поспешил в отдел.

– Заходи, расскажу, как мы в поезде соседей по купе разыграли, – бросил мне вдогонку Митя.

На следующий день, когда я зашёл к Мите, он раскрашивал портрет, и лицо вождя приобретало всё большее сходство с теми портретами, к которым мы успели привыкнуть.

– Что, твоей Анюты опять нет? – спросил я.

– А пусть погуляет, пока особо делать нечего. Я её отправил вроде как для обмена опытом в НИИлегмаш. Там пацаны с нашего худграфа работают.

– Понятно. Ну, тогда давай рассказывай, – сказал я.

– Про что?

– Про командировку. Ты вчера обещал рассказать, как вы с Анькой в поезде пассажиров разыграли.

– А-а, — Митя засмеялся, – слушай... Закончили мы свои дела, полазили по магазинам и с сумками погрузились в поезд. Поезд наш, фирменный, который приходит в Орёл утром. А по дороге я говорю Аньке: «Пока не приехали, ты всё ещё моя жена. Войдём в купе, пусть народ завидует мне». Анька хохочет. «Ладно, – говорит, – пусть буду жена». Взвалил я на неё все наши сумки и кульки, и она,

нагруженная, в двух руках тащит всё это за мной в купе. Я захожу гоголем, грудь колесом. Я-то, сам понимаешь, ростом не вышел, а Анька здоровая, на голову меня выше. Вошли: я вперёд, она с сумками за мной. Я говорю строго: «Сумки клади наверх, да смотри, осторожно». И к пассажирам: «А то, безрукая, прошлый раз вазочку стеклянную расколотила». Анька покорно в ответ: «Хорошо, Митенька. Ты только не волнуйся, тебе волноваться нельзя». Соседи по купе, немолодые уже женщина и мужчина, когда мы вошли, о чём-то разговаривали, а тут словно дар речи потеряли, молча переглянулись, и женщина головой покачала: «Ну и ну!». А я дальше продолжаю комедию ломать. «Анька, – говорю опять строго, – сходи, чаю принеси. Да смотри, чтоб горячий был, да с заваркой хорошей». И опять к соседям: «А то прошлый раз чуть тёплый подала, да еле заваренный». А Анька опять: «Сейчас, сейчас, Митенька, потерпи, милый!» И из купе как ветром сдуло. Женщина опять головой покачала и говорит мне: «Это чем же, не пойму, ты её, такую красавицу, взял, что она на тебя молится?». – «Значит, есть за что, – говорю важно. – Иной мал, да удал, а другой велик, да дик». А она мне: «Да, видать правда в пословице говорится: «Велик осёл, да воду возит, мал сокол, да на руках носят». И на мужика своего зырк-зырк глазами.

Митя замолчал.

– И что, признались, что это только шутка? – спросил я, сочувствуя женщине и её спутнику, очевидно, мужу.

– А зачем? Я даже когда ложился на вторую полку, обыграл это так, что, вроде, не могу спать низко, а то бы жену туда загнал...

– Пусть люди знают, что дело не в росте, а в голове, – заключил Митя. – Что толку от того, что у тебя длинные ноги, если с тобой и поговорить не о чем.

– Это точно, – согласился я...